

тактику Екатерины II в отношении запорожских казаков⁶ и отказывается выслать их как беглых крестьян в русские земли — «гнездо» их неподалеку от Константинополя «трогать рассудил не за полезно: это дело особое» (71). Способствуя расширению торгового присутствия русских на Черном море, Хемницер тщательно собирает для Коммерц-коллегии сведения о ценах на все ввозимые и вывозимые товары, заставляет турок вернуть несправедливо взятую с греческого купца пошлину, собирается растолковать грекам, как «завести с Москвою торговлю». Он резко пресек слухи о нападении пиратов на русские торговые суда, которые распространяли французы, надеясь на бегство людей «с наших судов <...> и по причине пресильной зависти, что наши корабли разъезжать стали» (75).

Дипломатия России в Порте предполагала повышенное внимание к каждой детали во взаимоотношениях двух государств, делящих сферы влияния. Поэтому генеральный консул в Смирне, ревностно контролирующий соблюдение Кючук-Кайнарджийского договора, доводит дело о повешенном за убийство русском матросе до разбирательства в Константинополе. Российского подданного можно было «по капитуляциям» судить только в присутствии русских драгоманов в столице. В конце концов Хемницеру стало известно, что губернатор Смирны едва не поплатился жизнью за казненного матроса. «Если это будет, что ему либо голову отрубят или его задавят, то хоть верхом на здешних турок садись» (81), — писал он Львову.

Пристальное внимание дипломата усиливалось у Хемницера склонностью баснописца к наблюдению за человеческими нравами. Он тонко улавливал изменения в настроениях турецких властей и местных жителей и видел в них явные симптомы укрепления позиций России. «Турки мои с часу на час глаже становятся <...> Теперь мой кади говорит: читайте указы от Порты присланные о русских, и сердце у вас выскочит». Еще до заключения 10 июля 1783 г. нового коммерческого трактата с Турцией русская торговля начала происходить «почти безданно, беспошлинно <...> наши, боясь только Бога да стыдась совести, пошлину платят, и то только разве десятую часть. Только и твердят что *Москов*, то есть русских, трогать не надобно». Достаточно было одного инцидента с русским моряком, от которого подвыпивший прохожий добивался ответа о национальности, чтобы кадий, немедленно удовлетворив требование генерального консула, по всей Смирне расставил янычарские пикеты. «Таким образом имя российское защитой служит теперь и прочим» (81—82).

Хемницеру выпала возможность реально почувствовать возрастающий политический вес Петербурга и осознать свою непосред-

---

⁶ Военная помощь запорожских казаков царскому правительству в борьбе с турками и татарами заставляла считаться с Сечью даже некоторое время после заключения Кючук-Кайнарджийского договора.